

Восстание Степана Разина в трудах русских историков XVIII — начала XX в.

© В.А. Волков^{1,2,3}, В.Ю. Захаров^{1,3,4}

¹МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

²Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова,
Москва, 101000, Россия

³Московский педагогический государственный университет,
Москва, 119435, Россия

⁴Московский авиационный институт, Москва, 125993, Россия

Рассмотрена дореволюционная историография народного протестного движения под руководством Степана Разина — крупнейшего народного антиправительственного выступления в России XVII в. До сих пор многие вопросы, связанные с этим движением, остаются нерешенными или дискуссионными. Начало их изучения было положено в XVIII в. в работах дворянских историков, писателей и общественных деятелей Ф.И. Соимонова, С.Г. Гмелина, А.П. Сумарокова, М.М. Щербатова, продолжено в трудах историков XIX — начала XX в. А.Н. Попова, С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, С.Ф. Платонова, А.П. Щапова, С.И. Порфирьева. Проанализированы их концепции, в целом малоизвестные для неспециалистов, и сделан вывод, что они отличаются субъективизмом и предвзятостью. Отмечено, что почти все дореволюционные историки и писатели (за исключением А.П. Щапова) не скрывали своей враждебности к народному возмущению, это во многом объясняется их дворянским происхождением и корпоративной солидарностью. Показано, что в целом не было предпринято попыток выявить социальные причины восстания, не соблюдался принцип исторического объективизма, при этом в работах дореволюционных историков был выдвинут ряд интересных предположений, например, о связи движения С. Разина с Расколом, не потерявших актуальности в настоящее время.

Ключевые слова: восстание Степана Разина, крестьянская война, дореволюционная историография, социальные движения XVII в., история России XVII в.

Мощное антиправительственное движение, случившееся в 1670–1671 гг. в южных и восточных землях России, в разное время называли непостоянством, бунтом или бунтованием, казачьим восстанием, позже — крестьянской войной и даже революцией, разинщиной (по аналогии с пугачевщиной, другим народным выступлением). В советский период по понятным причинам тема народных восстаний против самодержавия была одной из наиболее приоритетных. Советские историки внесли огромный вклад в изучение антиправительственных народных движений, в том числе восстания под руководством

С.Т. Разина 1670–1671 гг., которое оценивалось как крестьянская война. В настоящее время, и также по конъюнктурным причинам, изучение народных протестных движений отошло на второй, если не на третий, план. Тем не менее, тема отнюдь не исчерпана. Ряд вопросов остаются дискуссионными, например, можно ли считать движение под руководством С.Т. Разина крестьянской войной, какова была религиозная составляющая этого движения (связь со старообрядцами, с опальным патриархом Никоном и др.), насколько активным было участие в нем представителей национальных меньшинств и др. Для понимания и объективного изучения этих проблемных вопросов требуется знание наработок предшественников, т. е. обстоятельный историографический обзор. Дореволюционная историография изучения движения С.Т. Разина в работах советских и современных историков носит чаще всего фрагментарный характер. Цель настоящей статьи — дать комплексный и по возможности объективный обзор работ историков дореволюционного периода, выявить их вклад (если он был) в изучение этой темы.

Одним из первых русских ученых, заинтересовавшихся делами Разина и его сподвижников, был Федор Иванович Соймонов, знаменитый гидрограф, навигатор и путешественник, участник Персидского похода Петра I, впоследствии губернатор Сибири. О предводителе казачьего восстания Соймонов рассказал в книге «Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великаго» [1]. Эта ценнейшая книга была написана в 1723 г., но опубликовали ее лишь 40 лет спустя. Отзыв об атамане был крайне враждебным по отношению к этому, по словам Соймонова, «известному бунтовщику». Ждать иного от дворянина вряд ли стоило. Не ограничиваясь своими умозаключениями, автор в отдельной главе (XV) публикует обнаруженное им «Известие о бунте и о злодействах донского казака Стеньки Разина. Взятое из российского Хронографа того же времени». Парадоксально, но много позже похвалы за это Федор Иванович удостоился от советского историка И.В. Степанова [2, с. 104].

В работе Соймонова предводитель восстания характеризуется как «вор и крестоотступник и изменник» [1, с. 361]. Подробно перечисляются все его преступления — и против государства, и против церкви. Как особое злодейство отмечено распространение слухов о присоединении к восставшим царевича Алексея Алексеевича, сына государя Алексея Михайловича, в действительности к тому времени умершего (17 января 1670 г.), и бывшего патриарха Никона (находившегося тогда в Ферапонтовом Белозерском Богородице-Рождественском монастыре) [1, с. 369, 370]. Тем не менее, Соймонов отмечает сочувствие разинцам («ворам») в народной среде: «Где

скажут Великого Государя войско солгав побили, и люди тому радовались; а как скажут, что воров Великого Государя ратные люди побили, и люди станут унылы лицом и печальны о воровской погубели» [1, с. 373]. Однако попыток разобраться в причинах таких настроений низов населения Соймонов не предпринял, ограничившись констатацией факта.

О «злодействах» Разина и его сподвижников писал академик-естествоиспытатель Самуил Готлиб Гмелин, по заданию Академии наук побывавший накануне пугачевского восстания на Дону, Нижней Волге и Каспии. Недалеко от Дербента путешественник был захвачен горцами и умер в плену. К счастью, его путевые записки и дневники сохранились и дошли до современных исследователей. Интерес к бунту столетней давности у ученого пробудился, когда он пребывал в Астрахани. Сочувствуя жертвам страшного мятежа, автор пришел к выводу, что для этого города ущерб от действий разинцев был вполне сопоставим с нашествием иноземных врагов [3, с. 77–99].

Ретроспективный интерес к Донскому восстанию 1670–1671 гг. проявился на фоне грозных событий пугачевщины (несчастный Гмелин в то время уже был захвачен кавказскими горцами). Самым известным сочинением тех лет стала работа историка и географа, первого русского члена-корреспондента Санкт-Петербургской Академии Наук Петра Ивановича Рычкова, находившегося в 1773 г. в осажденном восставшими казаками Пугачева Оренбурге¹. Тогда он описал «астраханский бунт Стеньки Разина и его сообщников» [4].

Первым русским писателем, попытавшимся дать художественное осмысление восстания 1670–1671 гг., стал Александр Петрович Сумароков. В 1774 г. в разгар другого бунта — пугачевского, он пишет книгу «Сокращенная повесть о Стеньке Разине» [6]. Сумароков резонно усомнился в существовавшем тогда (и позже) объяснении причин мятежа мщением атамана за смерть старшего брата Ивана Тимофеевича, казненного по приказу князя Ю.А. Долгорукова. В таком случае непонятно, почему свое выступление предводитель восстания начал с похода в Персию, неповинную в гибели его родича. Автор полагает: «Не смерть брата сего бунтовщика; но злобное Стенькино сердце, и алчба властолюбия были подлинныя причины его бунтования» [6, с. 4]. Указывая на ложно объявленное Разиным и его атаманами присутствие в его войске царевича Алексея Алексеевича и низложенного патриарха Никона, Сумароков идет дальше многих историков восстания 1670–1671 гг. Он отмечает, что «для пушего

¹Составленное П.И. Рычковым «Описание шестимесячной осады Оренбурга» было опубликовано А.С. Пушкиным под названием «Осада Оренбурга (Летопись Рычкова)» в 1834 г. в приложениях к его «Истории Пугачевского бунта» [4, с. 72–280]. Об изданных и неопубликованных трудах автора см. статью [5, с. 62–74].

уверения» сыном государя, по сути самозванцем, был определен мальчик, сын «черкесских князей шестнадцати летъ, дабы легкомысленною чернью и еще было удобнѣе овладеть» [6, с. 8]. Расправы, чинимые государевыми воеводами над восставшими, Александр Петрович полностью одобряет, называя «похвальной строгостью». Хотя пишет, что «ужасный былъ вид казни ихъ; ибо поля виселицами уставлены были, из которых на иной по пятидесяти человек висело, и все места отягощенны были трупами и обагрены кровию: изрубленные тела и кости валялися везде: на колья многия разбойники посажены были, а инья на кольяхъ были дни по три живы и говорили...». Но жестокость столь страшного наказания Сумароков полностью оправдывает. Ибо такой «великой жестокости требовала и мораль и политика: мораль праведнаго отомщения требовала, а политика страха и образца казни; дабы ни кто не надеялся на то, что за такія беззаконія, не все плуты но одни их наставники казимы бывают и без того был бы только страх одним наставникам, а протчія изменники не подверженныя сему жребию могли бы отваживаться на беззаконіе безстрашно; не следовала бы достойная их беззаконія казнь; и следовательно не было бы ни чего такового, что бы их, яко людей неимущих ни совести ни страха божія, могло отдерживати от подобнаго злодеянія. А ежели бы и из них некоторыя, а не все переказнены были; и тогда бы многия ожесточенныя сердца и безмозглыя головы, впредь могли отваживаться, уповая что не все, но некоторыя в таковых преступленіяхъ погибаютъ» [6, с. 10, 11].

Подобно Сумарокову ужасы Пугачевского бунта побудили обратиться к событиям столетней давности, т. е. восстанию Разина, известного историка Михаила Михайловича Щербатова. Работая над книгой «Краткая повесть о бывших в России самозванцах» (1774), он сопровождал ее любопытным «Прибавлением о Стеньке Разине» [7, с. 176–203], достаточно точно описав ход восстания Персидский поход Щербатов считает первым бунтом «сего злодея» [7 с. 184], но особенно его привлекло взятие мятежными казаками Астрахани. Город был захвачен с помощью измены. Помощь штурмующим оказали стрельцы, которые «влезаящих по лестницам врагов начали принимать, не делая им никакого сопротивления» [7, с. 192]. Объединившись с прорвавшимися казаками, их астраханские сторонники стали «рубить... дворян и сотников и других начальников». Кроме них верность законной власти сохранили только «пушкари, поставленные в подошвенных боях, Томило с товарищи», стрелявшие из своих орудий по штурмующим город восставшим. Тогда же был смертельно ранен воевода князь Иван Семенович Прозоровский, позже по приказу Разина сброшенный с высокой башни [7, с. 193, 194]. Другие действия вождя восстания и его армии описаны менее подробно, включая пленение

атамана и его брата Фрола. Завершая свое сочинение, Щербатов косвенным образом подчеркивает закономерность случившегося при царе Алексее Михайловиче мятежа, указывая на то, что такие бунты происходят и в других «царствах и державах света» [7, с. 203]. Однако никакого анализа причин мощного антиправительственного восстания М.М. Щербатов не привел, а также не попробовал объяснить, почему большинство стрельцов Астрахани поддержали разинцев.

Первым исследователем, который объявил, что намерен *объективно* оценить Разинское восстание, оказался уже подзабытый литератор начала XIX в. Николай Ильич Фомин. Его перу принадлежит исследование, им самим обозначенное как повесть — «Стенька Разин» [8].

В представлении Фомина предводитель восстания — типичный казак, живущий походом и разбоем. При этом он не лишен привлекательности. Правда, словесный портрет Разина — явно плод фантазии автора. Но весьма колоритный и яркий: Степан Тимофеевич изображен в повести как «высокорослый казак лет сорока, в цветной рубашке; косой воротник обшит был широким позументом; на смуглом лице его являлись черты опытного воина, возросшего в боях и набеггах; широкая грудь и жилистые руки показывали в нем крепость телесную; повелительный взгляд его внушал невольное к нему почтение и страх» [8, с. 18]. Исследователей привлекает любопытный рассказ Фомина о некоем пророчестве, данном Разину незнакомцем в Черкасске, обещавшим ему славу и богатство [8, с. 23]. Впрочем, М.В. Симонова вполне обоснованно предположила — сообщение о предсказании скорее является художественным вымыслом автора, а не историческим фактом [9, с. 160].

Еще один известный историк XIX в. Александр Николаевич Попов отметил обширным трудом «История возмущения Стеньки Разина» [10], сопроводив свое сочинение обзором источников, в том числе архивных и иностранных. Интересно, что одновременно с изданием исследовательского труда Попов публикует использованные им документы, обозначив их подборку как «Материалы для истории возмущения Стеньки Разина» [11]. В числе обнаруженных и напечатанных Александром Николаевичем рукописных материалов были:

- столбец Приказного стола 1670 г. из Разрядного архива (сегодня в РГАДА — Российском государственном архиве древних актов);
- выписка из дела о Разине, сообщенная из Казанского приказа в Посольский приказ;
- дело о действиях московских войск против Разина (столбец Карабановский);
- Записная книга Московского стола — Sentence de mort contre Stenko Razin, leue au lieu de l'execution;
- бумаги Курмышского уездного суда и Симбирской гражданской палаты;

- Сказание летописи о граде Астрахани;
- Сказание о нашествии на обитель Макария Желтоводского, бывшем от воровских казаков.

В своем исследовании, обращаясь к причинам восстания Разина, А.Н. Попов упоминает о казни его брата по приказу князя Ю.А. Долгорукова, но считает это фактором, пробудившим личную неприязнь атамана к боярам. Основаниями для возмущения значительных масс казаков историк считает их нравы (разбойничьи), а успехи мятежа в Поволжье связывает с антиправительственными настроениями среди населения из-за перехода от старых порядков к новым [10, с. 24]. Попов также указывает еще одну причину мятежа — дороговизну хлеба на Дону, объясняя ее войной с Польшей [10, с. 25].

Свою книгу автор завершает описанием разгрома войск мятежников и умиротворения Дона и Нижнего Поволжья. Ход следствия по делу Разина и его наказание он не рассматривает. Советские историки труд Попова оценивали невысоко. Так, Е.И. Чернышев полагал, что Александр Николаевич «ограничился внешней историей восстания», правда, отмечая, что «на основе документального архивного материала, впервые им привлеченного». Главным просчетом автора, с точки зрения Чернышева, являлось то, что «следуя своей философской системе о противопоставлении идеи народа идее государства, Попов против всякого ожидания приходит к выводу, что народ нарушил установленный государством порядок, и тем самым признал приоритет государства над народом...» [12, с. 173]. Авторы настоящей статьи полагают, что с мнением Е.И. Чернышева можно согласиться.

Новый взгляд на изучение казачьего бунта 1670–1671 гг. привнес Сергей Михайлович Соловьев, основатель так называемой государственной школы в русской исторической науке. В 4-й главе 11-го тома своей «Истории России с древнейших времен» он рассматривает это восстание, осуждая его как деяние антиправительственное и чрезвычайно опасное. Предупредить казачье возмущение было невозможно, так как «государство было слишком слабо в застенной украине, широком раздолье казачества» [13, с. 284]. Очевидно, что предводитель мятежа в трактовке историка — враг существующим порядкам, но человек незаурядный, способный «обаять толпу своею силою, своим произволом, ничем не сдерживающимся» [13, с. 286]. Подобно Н.И. Фомину, С.М. Соловьев попытался дать словесный портрет Разина и пишет, что тот был «росту среднего, крепкого сложения, лет около сорока» [13, с. 278]. Ниже он отмечает, что Степан Тимофеевич был «истый казак, один из тех стародавних русских людей, тех богатырей, которых народное представление единает с казаками, которым обилие сил не давало сидеть дома и влекло в вольные казаки, на широкое раздолье море, или по крайней мере на

Волгу-матушку» [13, с. 279]. Соловьев подчеркивает — одерживая победу за победой, донской атаман Разин обрел в народе великую славу. В глазах простых русских людей он «превратился в чародея, которого пуля не брала, которому ничто не могло противостоять» [13, с. 280]. Но такой сакральный миф, как справедливо отметил Сергей Михайлович, живет недолго — до первой неудачи. Она случилась в решающем сражении под Симбирском, в котором разгромленный царскими воеводами «Стенька потерял и силы, и власть». Потом был пленен и казнен [13, с. 307].

Несколько иначе воспринял деяния предводителя Донского восстания 1670–1671 гг. Николай Иванович Костомаров, автор биографической работы о самом казачьем атамане Разине («Стенька Разин») [14, с. 65–84] и большой монографии о нем («Бунт Стеньки Разина»), включающей и предысторию возникновения казачества [15, с. 195–356]. В первом произведении Костомаров задался целью выявить глубинные причины народного возмущения, ненависти «к боярам, воеводам, приказным людям и богачам». В числе их, по мнению историка, были не только «тягости» (подати и поборы начальных людей), но и «следствия обременительной и дурно веденной войны с Польшей». Это привело к росту побегов тяглого населения и умножению разбоев. Причем именно тогда «жители перестали смотреть на разбойников, как на врагов своей страны, лишь бы только разбойники грабили знатных и богатых, но не трогали бедняков и простых людей: разбойник стал представляться образцом удали, молодечества, даже покровителем и мстителем страждущих и угнетенных. При таком взгляде, оставался уже только один шаг, чтобы разбойник сделался главою народного восстания. Толпы беглецов укрывались на Дону и там усваивали себе понятия о казацком устройстве, при котором не было ни тягла, ни обременительных поборов, ни ненавистных воевод и дьяков, где все считались равными, где власти были выборные; казацкая вольность представлялась им самым желанным образцом общественного строя. По давнему казацкому обычаю всем давался приют на тихом, вольном Дону» [14, с. 65]. Но ограниченность средств толкала голытьбу на разного рода авантюрные предприятия. При этом, как подчеркивал Костомаров, Московское государство новопоказаченные беглецы воспринимали «враждебно: там были ее заклятые лиходеи — служилые, приказные и богатые люди; туда рвались воровские казаки не только для грабежа, но и для мщениия; простой же русский народ был все-таки для них родным; и вот естественно возникла мысль: как было бы хорошо, если бы на Руси истребить все, что давило простой народ, и устроить казацкую вольницу» [14, с. 66]. Нужен был только вождь, и вождь нашелся. Им стал Стенька Разин.

Костомаров определял Донское восстание как разбойное движение, но поднявшееся на новый качественный уровень и ставшее антиправительственным бунтом. Описывая самого Разина, автор подчеркивает противоречивость его натуры, необычайно предприимчивой и деятельной. Он пишет, что это был «человек непреодолимой воли, которая уже одна могла заставить преклоняться перед ним толпу...». В то же время «сострадание, честь, великодушие — были (по убеждению автора — *примеч. авт.*), ему незнакомы. Это был выродок неудачного склада общества; мстью и ненавистью к этому обществу было проникнуто все его существо» [14, с. 66, 67]. Как бы то ни было, Костомаров подробно изучил и детализировал биографию Разина, его происхождение (отец — старый домовитый казак, мать — пленная турчанка), хотя впоследствии его выводы были оспорены советскими историками.

Костомаров не сомневается в том, что первопричиной действий Степана Разина стала казнь его старшего брата. Описывает он это событие достаточно красочно, вина во всем князя Юрия Долгорукова [15, с. 277].

Костомаров рассматривает начальные дела Разина и указывает на его противостояние с атаманом Корнилой Яковлевым, «старым заслуженным воином», который «принадлежал к партии домовитых казаков» [15, с. 231]. Он попытался вернуть Степана Тимофеевича после начала похода в Персию, но неудачно. По мнению Костомарова, с этого началось восстание, известное по имени его предводителя как *Разинское*.

Опасность, которую представлял мятеж для Русского царства, была очень велика. Одну за другой восставшие взяли города-крепости на Нижней Волге — Царицын, Астрахань, потом Саратов и Самару. Выше находился Симбирск, куда двинулось войско Разина. Ко времени осады этого города (сентябрь — начало октября 1670 г.) волнения охватили огромные пространства «между Окою и Волгою до саратовских степей и на запад до Рязани и Воронежа» [14, с. 79]. Однако, благодаря лучшей организации и подготовке правительственных войск и жесткости московских воевод, люто расправлявшихся с попавшими в плен мятежниками, бунт был подавлен [14, с. 79, 80].

Костомаров не мог не описать пленение Разина и весьма натуралистически изобразил выпавшие на долю атамана пытки и его казнь, чуть подробнее — в работе «Бунт Стеньки Разина» [14, с. 81, 82; 15, с. 340–342]. Эта книга станет вершиной творчества Николая Ивановича. Показательно, что именно ее будет трудолюбиво конспектировать Карл Маркс. Факт, впоследствии неизменно приводивший в восторг советских историков.

Еще один классик российской науки дореволюционного периода Сергей Федорович Платонов также не смог обойти вниманием главное

событие «Бунташного века». Отметив разницу интерпретации мятежа Соловьевым и Костомаровым (казацья и земская стороны), он вполне логично отметил, что исследователи-соперники не учитывают этапность мятежа. Поначалу разинское выступление было «чисто казацким и носило характер “добывания зипунов”, т. е. простого, хотя и крупного, разбоя, направленного против богатых русских и персиян» [16, с. 378]. Только потом оно поднялось до уровня антиправительственного бунта.

Ценным для исторической науки стало наблюдение Платонова о том, что бегство на Дон *усилилось после присоединения Малороссии к России*, так как московские власти отказались признавать Украину (в данном случае Гетманщину — *примеч. авт.*) казацкой страной. А «с Дона тогда выдачи не было» [16, с. 377]. Поначалу Разинское «движение» (термин Платонова) было чисто казацким и носило, как отмечалось выше, характер «простого, хотя и крупного, разбоя, направленного против русских и персиян» [16, с. 378]. Но после возвращения из Персидского похода действия казаков переросли из разбоя в бунт, подавленный после разгрома мятежного войска под Симбирском армией князя Барятинского, «у которого часть войска была обучена европейскому строю» [16, с. 378]. Вывод — логичный и обоснованный.

Несколько в стороне от названных стоят работы Афанасия Прокофьевича Щапова, единственного из исследователей XVIII — начала XX в., не осуждавшего, а восхвалявшего деяния Разина и его приверженцев. В своем научном творчестве он был далек от объективности (впрочем, как и его оппоненты), но был яростен и напорист. В известном письме к князю П.П. Вяземскому, заявив о необходимости преобразования России в «общинно-демократический земский мир», Щапов припомнил о временах, когда областные общины «выразили свое демократическое раскаяние и отрицание царя и его учреждений бунтами Стеньки Разина, демократическим развитием раскольнической общины...» [17, с. 657]. Пояснить суть своих утверждений о «демократическом раскаянии и отрицании царя» Афанасий Прокофьевич, правда, не стал, но ниже заявил о своей позиции: «Я, не гонясь за благами дворянства, а гонясь за *голытьбою казацкою* Стенек Разиных, Радищевых, — я сказал свободное слово об *общинно-демократической свободе*, и за то пострадал² — лишился самого дорогого блага: преподавания русской истории в университете» [17, с. 657].

² После подавления волнений в селе Бездна А.П. Щапов выступил на панихиде по убитым крестьянам, заявив, что за смерть мучеников «земля воззовет народ к восстанию и свободе», произнеся при этом здравицу демократической конституции. В тот раз, благодаря заступничеству П.А. Валуева, он избежал серьезного наказания и даже стал чиновником Министерства внутренних дел Российской империи. Но от преподавательской деятельности был отставлен.

Подчеркивая тесную связь разинщины со старообрядчеством, Щапов в то же время видел некое различие, противопоставляя «временный кипучий казачий бунт» Разина раскольникам, восставшим против Петра I как антихриста [17, с. 658, 659].

В своей первой книге «Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII в. и первой половине XVIII» Щапов причислял Разина к «возмутителям народным» и даже «партизанам противогосударственным» [18, с. 283]. Восстания на Дону (и Разинское, и Булавинское) он в то время связывал со скоплением на Дону «старых анархических, противогосударственных элементов, к концу XVII в. все более вытеснявшихся из середины России, скопившихся на Украине, куда еще не проникли благоустроительные начала государства» [18, с. 413]. Щапов, видимо, тогда еще не проникся симпатией к «голытьбе казацкой» (упомянутая книга была первый раз издана в Казани в 1859 г., раньше обрушившихся на Афанасия Прокофьевича гонений). Поэтому пишет, что восстание показало «весь хаос старых, отживших, противогосударственных начал и всю необходимость государственного возрождения и обновления России» [18, с. 413]. При этом подчеркивает, что все бунты донских казаков были вместе с тем и бунтами раскольников [18, с. 414].

Не обошел тему разинщины Щапов в другой своей книге «Земство и раскол». По его словам, выступление защитников старой веры поддержали «народные борцы-казаки и все недовольные царствованием Алексея Михайловича. Собирались все те обнищальные, оскудевшие до конца и разбродившиеся врознь люди, которые так долго, неумолчно и напрасно вопияли, в своих земских общинно-областных челобитных; против государственно-экономического неравенства земских общин и людей. Собирались те голутвенные, обнищальные люди, которые протестовали против исключительной привилегированности и льготы от тягла одних богачей, обогатевших от жалованных им вотчин, на счет тяглового земства; отяжелевших богатством многим от лежачей домовою казны, и построивших на посулы, на счет жалованных крестьянских деревень, на счет служебного приказного кормленья, каменные палаты, так что неудобь сказаемые» [18, с. 466]. Разин уже не мятежник, не «партизан-противогосударственный», а «могучий предводитель», призвавший народ (Щапов использует прижившийся тогда термин «массы») на борьбу. В трактовке автора это звучало так: «Я не хочу быть царем, а иду только избить всех князей, бояр, воевод и приказных людей, и хочу сделать вас всех равными!»

Верный своему представлению об общности казачьих бунтов с церковной оппозицией обрядовой реформе Никона, Щапов еще более

связывает их: «...в бунте Стеньки Разина раскол явился уж объединяющей силой, душой движения. Бунт Стеньки Разина был уже вместе и бунтом раскола, первым явным народным движением его, так как донское казачество тогда уже обратилось в раскольничью общину и возводило даже свои казачьи роды, круги до религиозной санкции в образе религиозных рад или радений и святых кругов» [18, с. 466, 467].

Новым словом в изучении Щаповым дел и устремлений Разина стало его предположение о желании Степана Тимофеевича возродить «Древнее Астраханское царство», противопоставив его Московскому царству [18, с. 467]. Щапов уже не считает народные анархические начала отжившими, а, наоборот, славит, воспекает их: «...изумительно-живуча, могуча, энергична была старая народная Россия, когда богатырски, героически умирала в Москве с Стенькой Разиным, когда была вешана, резана, изрубляема, сжигается, распинаема... в эту адскую годину стрелецких побоищ, и все-таки осталась живою в расколе» [18, с. 470].

В сочинениях Афанасия Прокофьевича много натяжек, ошибок. В качестве примера приведем его утверждение: «Стенька Разин свирепо убил астраханского архиепископа и также покушался поступить и с астраханским воеводой» [18, с. 467]. Астраханский митрополит Иосиф (а не архиепископ) был убит казаками уже после ухода Разина с войском к Симбирску. А воевода Иван Семенович Прозоровский был казнен именно Разиным сразу после взятия города казаками. Наличие грубых ошибок перекрывает *новизна исследовательского подхода* Щапова, его попытка отойти от ставшего шаблонным толкования Разинщины исключительно как злодейского начинания разбойных казаков, выявить положительные и отрицательные качества Разина, а не видеть в нем клятвопреступника и «атамана-выродка».

Появляются в рассматриваемое время исследования событий разинского мятежа в *отдельных регионах Поволжья*. Самое интересное — книга Сергея Ивановича Порфирьева «Разинщина в Казанском крае» (1916). Автор категорически отверг любую возможность распространения мятежа на правобережье Волги. Он полагал, что вождь восстания собирался прорываться к Нижнему Новгороду от Симбирска через Сурские места. Казань и ее окрестности контролировали многочисленные правительственные войска. Такое положение дел Порфирьев объясняет не только этим обстоятельством, но и, как он подчеркнул, «двумя случайными причинами: 1) стратегическая обстановка сделала Казань главной квартирой полка кн. Петра Семеновича Урусова, 2) понизовый край с развитием возстания (так у автора — *примеч. авт.*) был отрезан от Москвы и замосковных городов, и силой вещей за Казанью осталось распоряжение ратными делами на понизовом театре несмотря на перемену в высшем командном составе, которая должна бы была перенести главную квартиру к Арзамасу» [19, с. 3].

Советский историк Е.И. Чернышев (также казанец) оценивал работу Порфирьева невысоко, осуждая предшественника за игнорирование «классового антагонизма, проявившегося в крестьянской войне» [12, с. 174]. Сегодня очевидно, что книга Сергея Ивановича вполне соответствовала уровню развития науки своего времени, опиралась на информацию известных ему источников, заключение по анализу которых было вполне логичным.

Изучение разинщины будет продолжено в советское время. И весьма продуктивно, благодаря актуализации внимания исследователей к вопросам социальной жизни, как тогда называли, «эксплуатируемых классов», к их борьбе со своими угнетателями, личности и судьбе предводителей бунтов и восстаний.

Таким образом, российские историки дореволюционного периода внесли определенный вклад в изучение протестного движения под руководством Разина. Однако для большинства из них характерен ярко выраженный *субъективизм*. К изучению темы они подходили с уже четко определенной позицией (в основном в русле негативного отношения к движению Разина), восходящей к официальной позиции государственной власти, которую они пытались обосновать с помощью выборочного использования источников, откровенной подгонкой фактов под заранее выбранную концепцию, умозрительными рассуждениями, не подкрепленными конкретными документами. Данного недостатка не избежал Щапов, пытавшийся более объективно подойти к оценке причин и сущности этого народного движения. В целом не было предпринято попыток выявить *социальные причины* восстания, все сводилось к разбойно-анархической направленности действий восставших. С одной стороны, историки дореволюционного периода, будучи в основном дворянами, не смогли преодолеть социальную и корпоративную зашоренность, что проявилось в изначально негативистском отношении к исследованию разинщины как движения антидворянской направленности. С другой стороны, в работах дореволюционных историков был выдвинут ряд интересных предположений, например, о связи протестного движения Разина с Расколом, не потерявших актуальности в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Соймонов Ф.И. *Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого, трудами тайного советника, губернатора Сибири и ордена святого Александра кавалера, Федора Ивановича Соймонова, выбранное из журнала его превосходительства, в бытность его службы морским офицером, и с внесением, где потребно было, дополнениями Академии Наук конференц-секретаря, профессора истории и историографа, Г.Ф. Миллера.* Санкт-Петербург, Изд-во Императорской Академии наук, 1763, 380 с.

- [2] Степанов И.В. *Крестьянская война в России в 1670–1671 гг. Восстание Степана Разина. В 2 т. Т. 1.* Ленинград, Изд-во Ленинградского университета, 1966, 371 с.
- [3] Гмелин С. *Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. II. Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июля 1770 г.* Санкт-Петербург, Изд-во Императорской Академии наук, 1777, 362 с.
- [4] Рычков П.И. Описание осады Оренбурга («Летопись» Рычкова). В кн.: Пушкин А.С. *История Пугачевского бунта. В 2 ч. Ч. 2.* Санкт-Петербург, Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1834, с. 72–280.
- [5] Матвиевская Г.П. П.И. Рычков и его труды. *Вопросы истории естествознания и техники*, 2012, т. 33, № 3, с. 62–74.
- [6] Сумароков А.П. *Сокращенная повесть о Стеньке Разине.* Санкт-Петербург, Изд-во Императорской Академии наук, 1774, 14 с.
- [7] Щербатов М.М. *Краткая повесть о бывших в России самозванцах.* Санкт-Петербург, Типография Академии наук, 1793, 203 с.
- [8] Фомин Н.И. *Стенька Разин: историческая повесть из времен царствования царя Алексея Михайловича, с приложением современных исторических актов и грамот.* Москва, Типография А. Семена, 1836, 65 с.
- [9] Симонова М.В. Степан Тимофеевич Разин — государственный преступник или народный герой? *Вестник Томского государственного университета*, 2015, № 401, с. 160–164.
- [10] Попов А.Н. *История возмущения Стеньки Разина.* Москва, Типография А. Семена, 1857, 132 с.
- [11] Попов А.Н. *Материалы для истории возмущения Стеньки Разина.* Москва, Типография Л. Степановой, 1857, 269 с.
- [12] Чернышев Е.И. *Народы Поволжья в Крестьянской войне под предводительством С. Разина (1670–1671).* Казань, Татарское книжное изд-во, 2020, 382 с.
- [13] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 11, 12. В кн.: *Сочинения. Кн. VI.* Москва, Мысль, 1991, 672 с.
- [14] Костомаров Н.И. Стенька Разин. В кн.: *Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 4 т. Т. 3.* Москва, РИПОЛ классик, 1998, 358 с.
- [15] Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина. В кн.: *Исторические монографии и исследования Николая Костомарова. Т. 2.* Санкт-Петербург, Общественная польза, 1872, 719 с.
- [16] Платонов С.Ф. *Лекции по русской истории.* Москва, Издатель И. Блинов, 1907, 651 с.
- [17] Шапов А.П. Письмо к кн. <П.П.> Вяземскому. В кн.: *Литературное наследство. Т. 67.* Москва, Изд-во АН СССР, 1959, с. 657–668.
- [18] Шапов А.П. *Сочинения. В 3 т. Т. 1.* Санкт-Петербург, М.В. Пирожков, 1906, 803 с.
- [19] Порфирьев С.И. *Разинщина в Казанском крае.* Казань, Типография Императорского университета, 1916, 78 с.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Волков В.А., Захаров В.Ю. Восстание Степана Разина в трудах русских историков XVIII — начала XX в. *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 1. EDN NYFASD

Волков Владимир Алексеевич — д-р истор. наук, профессор кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана; профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова; профессор кафедры «История России» Московского педагогического государственного университета. e-mail: lee8@mail.ru

Захаров Виталий Юрьевич — д-р истор. наук, заведующий кафедрой «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана; профессор кафедры «История России» Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры «История» Московского авиационного института. e-mail: vz1974@yandex.ru

Uprising of Stepan Razin in the works of Russian historians of the 18th — early 20th centuries

© V.A. Volkov^{1,2,3}, V.Yu. Zakharov^{1,3,4}

¹Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

²Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture,
Moscow, 101000, Russia

³Moscow Pedagogical State University, Moscow, 119435, Russia

⁴Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, 125993, Russia

The paper considers the pre-revolutionary historiography of the popular protest movement led by Stepan Razin, which was the most important popular anti-government uprising in Russia in the 17th century. Many problems related to that movement remain unresolved or controversial to this day. Their study began in the 18th century in works of the noble historians, writers and public figures including F.I. Soymonov, S.G. Gmelin, A.P. Sumarokov, and M.M. Shcherbatov. It was continued in the works of historians of the 19th — early 20th centuries: A.N. Popov, S.M. Solovyev, N.I. Kostomarov, S.F. Platonov, A.P. Shchapov, and S.I. Porfiryev. The paper analyzes their concepts that are generally unknown to the non-specialists, and makes a conclusion that they are characterized in subjectivity and bias. It notes that almost all the pre-revolutionary historians and writers (excepting A.P. Shchapov) were not hiding their hostility to that popular indignation, which could largely be explained by the authors' noble origins and corporate solidarity. The paper shows that in general no attempts were made to identify social causes of the uprising. The principle of historical objectivism was not observed. At the same time, a number of interesting assumptions were put forward in works of the pre-revolutionary historians. For example, those assumptions concerned a connection between the Stepan Razin movement and the Schism, which is not losing its relevance at the present time.

Keywords: *Stepan Razin uprising, peasant's war, pre-revolutionary historiography, social movements of the 17th century, history of Russia of the 17th century*

REFERENCES

- [1] Soymonov F.I. *Opisanie Kaspiyskago morya i chinennykh na onom rossiyskikh zavoevaniy, yako chast istorii gosudarya imperatora Petra Velikago, trudami taynago sovetnika, gubernatora Sibiri i ordena svyatago Aleksandra kavatera, Fedora Ivanovicha Soymonova, vybrannoe iz zhurnala ego prevoskodikelstva, v bytnost ego sluzhby morskim ofitserom, i s vneseniem, gde potrebno bylo, dopolneniyami Akademii Nauk konferents-sekretarya, professora istorii i istoriografy, G. F. Millera* [Description of the Caspian Sea and the Russian conquests made there, as part of the history of the sovereign emperor Peter the Great, by the works of the privy councilor, governor of Siberia and knight of the Order of St. Alexander, Fyodor Ivanovich Soymonov, selected from the journal of his Excellency, during his service as a naval officer, and with the introduction, where necessary, of additions by the Academy of Sciences conference secretary, professor of history and historiographer, G. F. Miller]. St. Petersburg, Imperatorskoy Akademii Nauk Publ., 1763, 380 p.

- [2] Stepanov I.V. *Krestyanskaya voyna v Rossii v 1670–1671 gg. Vosstanie Stepana Razina* [Peasants' war in Russia in 1670–1671. The uprising of Stepan Razin]. In 2 vols. Vol. 1. Leningrad, Leningrad University Publ., 1966, 371 p.
- [3] Gmelin S. *Puteshestvie po Rossii dlya issledovaniya trekh tsarstv prirody. Ch. II. Puteshestvie ot Cherkasska do Astrakhani i prebyvanie v sem gorode: s nachala avgusta 1769 po pyatoe iyulya 1770 g.* [Travels through Russia to explore the three kingdoms of nature. Part II. Travels from Cherkassk to Astrakhan and stay in this city: from the beginning of August 1769 to the fifth of July 1770]. St. Petersburg, Imperatorskoy Akademii Nauk Publ., 1777, 362 p.
- [4] Rychkov P.I. *Opisanie osady Orenburga ("Letopis" Rychkova)* [Description of the Orenburg siege (Rychkov's Chronicle)]. In: Pushkin A.S. *Istoriya Pugachevskogo bunta* [History of the Pugachev Rebellion]. In 2 parts. Part. 2. St. Petersburg, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1834, pp. 72–280.
- [5] Matvievskaia G.P. P.I. Rychkov i ego trudy [P.I. Rychkov and his works]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 2012, vol. 33, no. 3, pp. 62–74.
- [6] Sumarokov A.P. *Sokrashchennaya povest o Stenke Razine* [A Short Tale on Stenka Razin]. St. Petersburg, Imperatorskoy Akademii Nauk Publ., 1774, 14 p.
- [7] Shcherbatov M.M. *Kratkaya povest o byvshikh v Rossii samozvantsakh* [A short story about former impostors in Russia]. St. Petersburg, Tipografiya Akademii Nauk, 1793, 203 p.
- [8] Fomin N.I. *Stenka Razin: istoricheskaya povest iz vremen tsarstvovaniya tsarya Alekseya Mikhaylovicha, s prilozheniem sovremennykh istoricheskikh aktov i gramot* [Stenka Razin: a historical story from the reign of Tsar Aleksey Mikhailovich, with the addition of contemporary historical acts and charters]. Moscow, Tipografiya A. Semena, 1836, 65 p.
- [9] Simonova M.V. Stepan Timofeevich Razin — gosudarstvennyi prestupnik ili narodnyi geroy? [Stepan Timofeevich Razin: a state criminal or a national hero?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2015, no. 401, pp. 160–164.
- [10] Popov A.N. *Istoriya vozmushcheniya Stenki Razina* [The Story of Stenka Razin's Outrage]. Moscow, Tipografiya A. Semena, 1857, 132 p.
- [11] Popov A.N. *Materialy dlya istorii vozmushcheniya Stenki Razina* [Materials for the history of Stenka Razin's outrage]. Moscow, Tipografiya L. Stepanovoy, 1857, 269 p.
- [12] Chernyshev E.I. *Narody Povolzhya v Krestyanskoy voyne pod predvoditelstvom S. Razina (1670–1671)* [The peoples of the Volga region in the Peasants' War led by S. Razin (1670–1671)]. Kazan, Tatarskoe Knizhnoe Publ., 2020, 382 p.
- [13] Solovyev S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia from the ancient times]. Vol. 11, 12. In: *Sochineniya. Kn. VI* [Essays. Book VI]. Moscow, Mysl Publ., 1991, 672 p.
- [14] Kostomarov N.I. Stenka Razin [Stenka Razin]. In: *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneyshikh deyateley* [Russian history in biographies of its main figures]. In 4 vols. Vol. 3. Moscow, RIPOL Klassik Publ., 1998, 358 p.
- [15] Kostomarov N.I. Bunt Stenki Razina [Stenka Razin's Revolt]. In: *Istoricheskie issledovaniya i monografii Nikolaya Kostomarova* [Historical monographs and research by Nikolai Kostomarov]. Vol. 2. St. Petersburg, Obshchestvennaya Polza Publ., 1872, 719 p.
- [16] Platonov S.F. *Leksii po russkoy istorii* [Lectures on Russian history]. Moscow, Izdatel I. Blinov, 1907, 651 p.
- [17] Shchapov A.P. Pismo k kn. < P. P. > Vyazemskomu [Letter to Prince < P. P. > Vyazemsky]. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literature inheritance]. Vol. 67. Moscow, AN SSSR Publ., 1959, pp. 657–668.

- [18] Shchapov A.P. *Sochineniya* [Works]. In 3 vol. Vol. 1. St. Petersburg, M.V. Pirozhkov Publ., 1906, 803 p.
- [19] Porfiryev S.I. *Razinshchina v Kazanskom krae* [Razinshchina in the Kazan region]. Kazan, Tipografiya Imperatorskogo Universiteta, 1916, 78 p.

Volkov V.A., Dr. Sc. (History), Professor, Department of History, Bauman Moscow State Technical University; Professor, Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture; Professor, Department of History of Russia, Moscow Pedagogical State University. e-mail: lee8@mail.ru

Zakharov V.Yu., Dr. Sc. (History), Head of the Department of History, Bauman Moscow State Technical University; Professor, Department of History of Russia, Moscow Pedagogical State University; Professor, Department of History, Moscow Aviation Institute (National Research University). e-mail: vz1974@yandex.ru